Эду показалось, что они с Сезаром встретились взглядами перед тем, как закрылась дверь капитанской каюты.

‘Нет, теперь, когда я думаю об этом, он сделал это нарочно, не так ли? Это было с очень нарочитой насмешкой.’

Это был взгляд, который отличал Сезара, которого Лил впустила в кабинет капитана, от Эда, который остался снаружи. Чувство превосходства против неполноценности. На первый взгляд это могло показаться ребячеством, но Эд почему-то почувствовал себя грязным. Кроме того, это был специфический тип грязных. Прошло много времени с тех пор, как они были в Лебрене. Со своим наивным взглядом на вещи Эд даже представить себе не мог, что его незначительное сердцебиение тогда было чем-то большим, чем просто способом скоротать время.

Бесстыдная мысль пришла ему в голову.

"Если бы я тогда показал свое лицо перед Лилоа, все бы кардинально изменилось’.

Но Эд был не в состоянии этого сделать. Кровь и телесные жидкости из многочисленных трупов, а также комочки опасных для жизни клеток покрывали руку, которую он хотел протянуть к Лил. Ему казалось, что если свет Лил коснется его, его позорное прошлое раскроется. Его уродливое и убогое прошлое. С такой пропастью поставить себя и Лил на одну доску было невозможно. В тот период он удовлетворялся только интеллектуальной тоской по тому, кто был озабочен истиной, и осторожным чувством симпатии. Но в течение этих глупо потраченных впустую лет кто-то другой плодотворно проводил время рядом с ней.

То, что он чувствовал сейчас, было гораздо большим, чем простая ревность. Если бы зависть была лезвием, она бы разорвала сиденье рядом с Лил на куски. Если бы он знал, что все так обернется, он бы поступил в Лебрене по-другому…

Эд обернулся, стиснув зубы. Он и так достаточно страдал даже без провокации Сезара.

‘Но он не постеснялся любезно напомнить мне об этом…’

Он еще крепче сжал челюсти и спустился вниз.

‘Учитывая то, как он так открыто устанавливает нашу границу, не может быть, чтобы он что-то не замышлял. Самое главное сейчас - найти мои пропавшие масла и флакончики с лекарствами, поскольку они могут быть использованы против меня в любой критический момент. Я уже нахожусь в опасной ситуации, потому что мои угрозы жизни Лилоа оказались бесполезными. Сезар, должно быть, тоже заметил, что я не могу раскрыть свою личность. Конечно, если Лилоа узнает, что Сезар все это время знал, кто я, он тоже пострадает от последствий, но мне есть что терять… Вот почему мне нужно найти эти бутылки до того, как один или оба из них попытаются убить меня… Я зашел слишком далеко, чтобы закончить все

кровопролитием…’

Итак, во время стоянки на якоре Эд обыскал каждый уголок, где Сезар мог спрятать свои вещи.

‘Невозможно поверить, что Сезар оставил их в Паничи, потому что это его единственное оружие против меня. Я почти уверен, что это в его каюте, но это не значит, что я должен игнорировать другие возможности…’

Эд уже потратил несколько дней на поиски в доках и на складах, но все было напрасно. В результате осталась только штурманская рубка.

Эд надвинул шляпу на глаза и тихо пошел по затемненной спальной палубе. У всех на борту не было времени по-настоящему уснуть. Сторож должен постоянно бодрствовать, поэтому даже незначительное движение может привести к появлению десятков свидетелей. Вот почему такой день, как сегодня, когда произошла ссора, был счастливым случаем, который нельзя было упустить. Более того, даже капитан нечасто оказывался вовлеченным в переполох.

Это создало идеальную возможность, поскольку старая и новая команды были заняты тем, что присматривали друг за другом.

‘Пришло время вломиться в хижину’.

Поскольку ситуация на верхней палубе была настолько напряженной, Эд смог проскользнуть вниз незамеченным. С полутемной орудийной палубы доносились звуки храпа и разговоров во сне. Весь шепот, который он слышал, был проклятием их товарищей-моряков, а это означало, что никто не интересовался Эдом. Упрощаем следующие шаги. Пройдя через спальную зону, которая была окружена переборками, Эд двинулся между свисающими гамаками и спящими на полу матросами. Он миновал еще один ряд переборок и в конце концов оказался перед штурманской рубкой.

За дверью не было никаких признаков жизни. Если бы никого не было, внутренняя планка, которая работает как замок, не была бы повешена. Чтобы Эд мог осторожно повернуть дверную ручку и открыть дверь. При открытых ставнях внутри было светло. Он проскользнул прямо в комнату. Несмотря на то, что это была пустая хижина без владельца, он не планировал затягивать поиски дольше, чем это было необходимо. Он ступал осторожно, стараясь случайно не наступить на хрупкие части пола. Каюта была довольно просторной, с кроватью, письменным столом и даже комодом. Как и ожидалось, это было личное пространство, принадлежащее человеку, обладающему властью, уступающей только капитану. Вероятно, она была даже больше, чем каюты других офицеров, вместе взятых. Поскольку он был больше, чем ожидалось, ему нужно было более эффективно спланировать свои поиски. Он быстро осмотрел интерьер и решил сначала открыть комод.

Эд резко остановился, когда подошел к шкафу. Его глаза закатились, как негнущиеся петли. Он стоял неподвижно, устремив взгляд вниз. Сундук, доходивший ему чуть ниже колен, стоял

рядом с комодом. Внезапно Эд услышал звук торопливого дыхания и почувствовал чье-то слабое присутствие. В простой квадратной коробке, похожей на ту, что ставят под кровать и используют в качестве шкафа, кажется, находится человек. Пораженный, Эд медленно отодвинул стенку сундука и старался вести себя как можно тише. В конце концов сундук открылся довольно плавно и беззвучно, как будто его совсем недавно хорошо смазали. Затем кто-то внутри оглядел комнату через щель, более тонкую, чем толщина пальца. Эд мог легко догадаться, с кем он имеет дело.

"На Белл-Рок не так много людей, которые могут поместиться в таком маленьком пространстве. Лилоа ни за что не окажется внутри, так что у меня остается только один человек.'

Сквозь щель, которая постепенно расширялась, было слышно неглубокое дыхание.

'Я не припоминаю, чтобы часто видел его в эти дни, так что он, должно быть, выполнял такого рода работу'.

Эд задумался, стоя как можно ближе к стене.

'Что мне делать с этим парнем?'

Эду показалось, что он буквально слышит, как закатываются наблюдающие глаза. Вращающиеся глаза, которые оглядывали комнату, постепенно становились более живыми. Глаза, которые остановились бы только после подтверждения присутствия незваного гостя в каюте.

Эд на мгновение уставился в воздух.

'Я не могу поверить, что Сезар прячет его в сундуке, а не в комнате. Это сделано намеренно, чтобы создать свидетеля. Свидетель, который видел что-то, что невозможно опровергнуть. Если Сезар попросит Куранта засвидетельствовать, что я сделал что-то подозрительное, он может избавиться от меня, не запачкав рук. Простого факта обыска в хижине Сезара будет достаточно, чтобы Лилоа вышвырнула меня с Колокольной скалы... Судя по ситуации, бутылки будут в сундуке с Курантом...'

Эд подумывал о том, чтобы закрыть ставни и усмирить Куранта в темноте.

"Нет, его, вероятно, научат кричать, когда он кого-нибудь найдет. Сезар, который готовил это заранее, и другие хорошо обученные моряки затем начнут немедленную атаку. Это, должно быть, самый худший возможный конец в истории. Будет лучше проткнуть его ножом через середину крышки, не давая ему возможности закричать. Даже при том, что Сезар так легко не сдастся, ему понадобится время, чтобы снова устроить что-то подобное.'

Эд быстро схватился за рукоять своего меча, но затем остановился.

‘...Он часть первоначальной команды Лилоа… Моряк, который не ушел даже после того, как Лилоа предложила им выходное пособие, и все еще с ней.’

Его пальцы отпустили рукоять и были сжаты в воздухе.

‘ Курант предпочел остаться на Колокольной скале. Он принял решение присоединиться к Лилоа в возможном морском сражении против адмирала… Дерьмо. Итак, что теперь? Будет проблемой, если Курант выйдет из сундука, но будет не менее сложно, если он останется внутри него. Если он выйдет, меня, несомненно, поймают. Однако, если я оставлю его в таком положении, он может открыть крышку в любое время, пока я продолжу свои поиски. Я также не могу ни отговорить его от этого, ни успокоить его. Курант не питает ко мне ничего, кроме неприязни.’

Эд постепенно опустил руку. Он осторожно нажал на постепенно поднимающуюся крышку кончиками напряженных пальцев, улавливая звук слабого дыхания внутри закрывающейся грудной клетки. Затем он осторожно положил защелку на кольцо…

http://tl.rulate.ru/book/69952/2731144